

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Выходишь из машины, вытаскиваешь из багажника чемоданы, со всей поклажей тащишься к поезду в разнонаправленном людском потоке, лавируешь, весь в напряжении. У вагона становишься в очередь, предъявляешь билет и документы проводнику, с багажом по узкому коридору подползаешь к своему купе. И все в темпе вальса — не быстро, но и не медленно. Путь неблизкий — нужно разместиться, расположиться, переодеться. Но вся эта чехарда уже позади. Можно спокойно сесть и облегченно вздохнуть. И настроиться на курортную волну. Это в Москве прохладно, тучи по небу ходят волчьими стаями, а на юге — солнце, жара. И море!

Но море будет только завтра, а отпуск уже начался. Предстартовая беготня позади, в наличии — двухместное купе класса «люкс», в планах на самое ближайшее время — симпатичная соседка. Бутылка хорошего коньяка на всякий случай припасена. Сначала вагон-ресторан, а потом уже уютные посиделки на двоих.

Олег Пахомов уже вышел из того возраста, когда его привлекали юные девушки. В свои тридцать шесть лет он с тем же интересом относился к молодым и не очень женщинам, а это хоть и незначительно, но все же увеличивало шансы на приятное соседство.

Дверь открылась, и в проходе, в ореоле дневного света перед ним предстала русоволосая девушка незаурядной внешности. Волнующая линия от бровей к носу, пышные от природы ресницы, голубые глаза, маленький, чуточку вздернутый носик, веселые ямочки на щеках, изящные губки, белозубая улыбка. Тонкие лямочки сарафана облегли красивые ключицы, а струящиеся к плечам волнистые волосы подчеркивали гибкость в меру длинной шеи. Яркие от природы глаза весело искрились, юный восторг в них и наивная радость ожидания. Казалось, девушка только что вырвалась из какого-то глухого забытья в большой шумный мир, который нужно было как можно скорее познать и освоить. А может, она просто радовалась тому, что поезд увезет ее из пасмурной реальности в солнечное лето. И еще в ее взгляде Пахомов уловил интерес к собственной персоне. И понял, что путешествие в компании с этой особой может стать самым ярким событием за весь отпуск.

— Ева! Не сюда!

Сначала послышался мужской голос, а потом за спиной девушки появился и его обладатель. Невысокий шуплый мужчина протискивался между девушкой и окном, один чемодан он нес на вытянутой

руке, а другой катил за собой. Вместе с багажом он увлек за собой и Еву. Олег слышал, как громыхнула дверь в купе неподалеку.

Вот тебе и яркое событие. Путешествие на юг еще толком не стартовало, а обломы уже начались.

Олег вышел из купе, встал у окна, глянул в сторону, куда скрылось чудное создание. Ева не заставила себя долго ждать. Она вышла из купе все в том же сарафане с открытыми плечами. Яркая, фееричная, восторженно-наивная. Она поймала его взгляд, весело улыбнулась, но тут же в легком смущении отвела взгляд в сторону. Из купе вышел мужчина лет тридцати пяти — лохматый, лопухий, горбоносый, с лицом нездорового цвета. Ни лицом не вышел, ни статью... И как это Ева с ее внешностью умудрилась выйти за него? Или он ей не муж? Может, отец? Или брат?..

Горбоносый зыркнул на Олега и, схватив Еву за руку, затащил ее в купе. И ревность в его взгляде была направлена не столько конкретно к Олегу, сколько ко всем мужчинам, на которых могла заглядываться Ева. Видимо, Пахомов далеко не первый, кто заинтересовал эту ясноглазую диву.

* * *

Курица, завернутая в газету, яйцо в кулке, соль в спичечном коробке, огурцы, помидоры. Все это, конечно, хорошо, но почему-то раздражает. И все же улыбка не сходит с лица. Заряд хорошего настроения не иссяк, а стремительное движение по-

езда еще и поддерживает его. Впереди море соленой воды и океан восторга. Ева еще никогда не видела моря, но уже полюбила его. Всей душой полюбила. А когда окупнется, то полюбит еще и телом.

— Кушай! — Федор оторвал от курицы ножку и протянул ей.

Она кивнула в знак благодарности, взяла ножку за косточку. Зубы легко пронзили прожаренную до хруста шкуру, но увязли в жестком мясе. Курица домашняя, взрослая, а потому жуется туго. У магазинных бройлеров мясо и мягче, и вкусней, но Федора в этом не убедишь. У него все должно быть свое. Свой самогон, свое сало, свои огурчики, своя закатка. И в отпуск он отправился со своей молодой женой.

Федор — мужчина зажиточный. У него и земли не одна сотня гектаров, и домашнее хозяйство — более чем: скотина, птица, огород — мало не покажется. До недавнего времени он был первым женихом на деревне, это Еву и прельстило. А что? Дом у него большой, кирпичный, и машина — ни у кого лучше нет. Все подруги ей завидовали, когда она за Федора выходила. И он таким важным казался. Шутка ли, самый богатый мужик на всю округу.

А после свадьбы начался медовый месяц, и Ева впервые приехала в Москву. В городе она провела не больше двух часов, но успела впечатлиться масштабами. А какие здесь мужчины! На каких они ездят машинах! А как одеты! И как здорово выглядят! Федор на их фоне — жалкий неудачник. Не зря же в нем ревность разыгралась. Осознал свою ущерб-

ность, и злость его взяла. Хмурится, смотрит исподлобья. А Ева что-то не хочет верить его в том, что ей нужен только он. Она и раньше так не думала, а сейчас тем более... Ошиблась она с мужем, что уж тут говорить. Может, это и не роковая ошибка, но хочется ее поскорее исправить.

— Скажу, чтобы чаю принесли!

Ева положила куриную ножку на стол, поднялась, оправляя сарафан, шагнула к двери.

— Сиди, я сам!

Федор хотел ее опередить, но Ева первая вышла из купе. И по коридору — к проводнику, мимо купе, в котором затаился интересный мужчина.

А дверь в купе открыта. И мужчина на месте. Сидит, скрестив на груди руки, о чем-то думает. Увидел Еву, взбодрился, с затаенным интересом глянул на нее. Но даже не шелохнулся, чтобы выйти из купе вслед за ней. А ведь его никто не держал. Он один в купе — ни жены, ни соседей. И обручального кольца на пальце у него нет. Золотая печатка есть, а кольца нет.

Печатка у него массивная, дорогая. На крупном крепком пальце печатка. А толстая золотая цепь украшает мощную шею. От него и от самого веет силой и цепким обаянием. Вряд ли он младше Федора, но как же он хорошо выглядит по сравнению с ним. Федор — пропитанный духом земли мужик, а этот не похож на семижильного работягу, но и неженкой его не назовешь. Мощный, матерый, наэлектризованный. Черты лица жесткие, взгляд сильный, но мягкий. Широкие скулы, крепкий

нос, волевой подбородок — все как у мужчины со стальным стержнем внутри. Но при всей его внутренней матерости в нем чувствовалось и нечто интеллигентное. И одевался он хорошо. Вроде бы все, как у Федора — футболка, шорты, но по качеству эти вещи не сравнишь. Один покупал себе обнову в сельпо, а другой — в фирменном бутике. Глаз у Евы не наметанный, но очевидное она замечает. Отличие просто в глаза бросается.

Ева сходила к проводнице, заказала пару стаканов чая, на обратном пути бросила взгляд в пятое купе. Мужчина на прежнем месте, а мог бы и пересесть, повернуться к ней лицом. И не улыбнулся, и не подмигнул. Но все же она заметила интерес его глазах. А как он смотрел на нее, когда она переступила порог его купе. Она же помнила, как он обрадовался. Но, видимо, он заметил обручальное кольцо на ее руке. И мужа он тоже видел. Может, потому и потерял к ней интерес. Он хоть и крутой с виду мужик, но чувствуется, что не хам какой-то или наглец. Видимо, он не считает нормальным волочиться за женой при живом муже. Все это правильно. Но все равно обидно.

Ева вернулась в купе, но дверь закрывать не стала. Это сделал за нее Федор. Она глянула на него с легкой улыбкой на губах. Ревнует. А зря. Она не собирается изменять ему, во всяком случае, до тех пор, пока не разведется и снова не выйдет замуж. А как можно изменить старому мужу с новым?

— О чем думаешь? — спросил Федор, с подозрением глядя на нее.

— Чаю хочу. — Ева взяла яйцо, стукнула острым концом по столу.

— Из соседнего купе чаю?

— Почему из соседнего?

— Да видел я, как ты туда заглядывала. Там что, медом намазано?

— Медом? Да нет. Пасечник есть, а меда нет, — весело сказала она.

— Пасечник?

— Ну, ты про мед спросил, а я про пасечника сказала. Крутой такой мужик.

— Крутой?! — напыжился Федор.

— Мне нравится.

От возмущения он потерял дар речи, а глаза округлились от натуги.

— Ну, то, что он крутой, нравится, — улыбнулась она. — Смотрю на него и понимаю, что ты не трус.

— Что?!

Еве показалось, что Федор сейчас подавится воздухом, который жадно схватил ртом.

— Ты же не захотел лететь на море самолетом, вот я и подумала, что ты трус.

— Я трус?!

— А теперь смотрю на этого, ну, на пасечника... Он же не трус, а едет поездом. Значит, и ты не трус.

— А почему это он не трус?

— Не знаю, — пожала плечами Ева. — Мне кажется, такой мужчина не может быть трусом.

Федор не выдержал, вскочил с места, даже замахнулся на нее.

— Женщину может ударить только трус! — сказала она, стараясь скрыть свой страх.

— А если ты не женщина! Если ты язва?!

— А ты должен любить меня любую! — раззодрилась Ева.

Но, заметив, как вспыхнули глаза Федора, пожалела о своих словах.

— Любить?!

— Любить, — едва слышно сказала она.

— Ну, хорошо.

Федор навалился на нее, задрал подол, и она едва удержалась от желания оттолкнуть его. Но удержалась. И не оттолкнула. Все-таки она жена, а он муж, и у него есть право. А от нее не убудет...

И все-таки ноги Ева раздвигала в ожидании чудесного избавления. Было бы здорово, если бы дверь вдруг распахнулась и крутой мужчина из соседнего купе вытащил ее из-под распаленного мужа. И забрал бы к себе.

А в дверь вдруг постучались. Федор соскочил с Евы, сам opravил на ней сарафан и открыл. Но в купе вошла проводница с чаем.

Когда она ушла, Федор снова полез к Еве, но на этот раз она оттолкнула его на законном основании. Сначала чай, потом все остальное. Наверное...

* * *

Станция Кефаль, стоянка три минуты. Впрочем, вагон покидало всего три человека — Олег, Ева и ее муж.

Ева — девушка уникальная: всегда в хорошем настроении, улыбка не сходит с ее лица. Ей бы еще ума побольше, цены бы тогда не было. Ну, нельзя же так стрелять глазами в мужиков при живом-то муже: и некультурно, и чревато.

— А вы тоже в Кефаль? — Ева весело смотрела на Пахомова.

Она привечала его своей улыбкой, но взглядом при этом не ласкала, тем более не облизывала, как это могут делать помешанные на сексе дамочки. Но и от горяченького Ева бы не отказалась. Не сразу бы, но согласилась. Уж в ком в ком, а в людях Олег разбирался. Не первое десятилетие в уголовном розыске.

— Тоже.

— Держитесь от нас подальше! — Горбоносый обошел Еву и встал между ними.

— Вот и я говорю, не толпитесь возле выхода, — усмехнулся Пахомов.

Он-то вышел в тамбур только что, а Ева с мужем уже полчаса как здесь. Боятся не успеть.

Поезд окончательно остановился, проводница открыла дверь.

— Федор! — засуетилась Ева.

И проводница загораживала ей выход, и чемоданы. Проводница, недовольно качнув головой, вышла из вагона, Ева выскользнула вслед за ней, Федор нервно схватился за багаж.

Пахомов не суетился, но вышел быстро. И все же Федор оказался быстрее. Он со своими чемоданами развил такую скорость, что Ева едва поспевала за ним.

А шла Ева, оглядываясь на Олега. И даже взглядом просила его поторопиться. Но Пахомов не спешил. И у него чемоданы были на колесиках, но убежать ему ни от кого не приходилось. Он неторопливо поднялся по лестнице перехода, с высоты которого можно было увидеть море. Но живописная картина мало заинтересовала его. Честно говоря, настроение у него неважное.

Олег мог бы взять путевку в министерский санаторий, но его позвал к себе старый друг, и он не смог отказаться. У Димы Мулярова свой дом в Кефали, жены у него нет, любовницы надолго не задерживаются, в общем, вариант, близкий к идеальному. Еще вчера Дима был на связи, а сегодня вдруг пропал. Он должен был встретить его на перроне, но Пахомов на это уже не рассчитывал. Если телефон молчит, значит, с Димой что-то случилось. Может, в запой ушел? Увы, но иногда с ним это бывало. Еще в Москве началось, до того, как он в Кефали обосновался.

Дима в свое время очень хорошо поднялся на торговле водой. Кто-то делал деньги из воздуха, а он — из воды. Он не добывал влагу, не бутилировал ее, а управлял товарными потоками, снимая с процесса свой процент. И так хорошо у него это получалось, что счет его прибыли пошел на миллионы. Но потом возникли проблемы, одни поставщики сами стали налаживать каналы сбыта, других перехватили конкуренты. Дима решил заняться собственным производством, но очень быстро понял, что созидание не для него, и отошел от дел. А тут еще жена загуляла...

Городскую квартиру и дом в Подмосковье Дима оставил жене, а сам перебрался в Кефаль. Года три-четыре назад он поставил здесь особняк на первой линии от моря и с тех пор живет в свое удовольствие на дивиденды от успешных капиталовложений. И если жалуется на что-то, то на скуку. Может, потому и позвал к себе на отдых старого друга. Намекал, что женщины у него закончились, надо бы отправиться на свободную охоту за красивыми курортницами. Олег тоже холостяковал, и мысль о такой охоте вдохновила его на путешествие. Жаль только, что Ева — не та дичь, которая могла бы его устроить. Вот если бы она ехала на море с подружкой, а не с мужем, тогда бы он и не раздумывал.

А Ева приехала на курорт с мужем, который, судя по всему, ее мало устраивает. Так думал Олег, поэтому и не удивился, увидев, как Ева сыплет искрами из глаз на загорелого блондина в белом, который стоял у дорогого кабриолета, поглядывая по сторонам. Дима тоже когда-то осветлял волосы, и спортивный «БМВ» он мог себе позволить. И в свои сорок с его средствами он запросто мог бы выгладеть лет на тридцать. Но, увы, это был какой-то другой блондин. И ждал он вовсе не Олега. А взгляды, которые бросала на него Ева, могли ему только льстить, не более того. Ни холодно ему от этих взглядов, ни жарко. И Олег понял это, усаживаясь в такси.

К блондину подошел такой же стильный брюнет, они нежно пожали друг другу руки, обменялись милыми улыбками и сели в машину. А разочарован-

ной Еве оставалось только проводить их взглядом. Впрочем, разочарованной она была недолго. Кажалось, этот источник наивного оптимизма ничем нельзя было расстроить.

Ева стояла с мужем на остановке в ожидании трансферта, Пахомов проезжал мимо них, она заметила его, капризно вытянула губки, но жизнерадостная улыбка при этом, странное дело, не покинула ее. Удивительная девушка. Жаль было расставаться с ней.

* * *

Две недели у моря, и никакого улова. Хоть бы какой рак на безрыбье проклюнулся, но — ничего. Отдыхать оставалось всего четыре дня, Олеся уже фактически прощалась с морем, и вдруг птица счастья махнула золотым крылом. Адам подошел к ней прямо на пляже. Сел рядом, улыбнулся, и она пропала. Не улыбка у него, а прямо колдовство какое-то. Он уже не молодой, под сорок, но фигура такая — далеко не всякий молодой с ним сравнится. А сколько в нем шарма...

Но у этого ловеласа помимо подкачанного торса была еще и яхта — большая, под парусом, с матросом на борту. Всю ночь Олеся бороздила с Адамом морскую гладь, но в постель с ним так и не легла. Женщина не возражала, да мужчина не настаивал. Более того, Адам намекнул, что не может так сразу. Если у него с девушкой серьезно, то спешить он не станет.

Вечером они пристали к берегу, и Адам повез Олесю к себе домой. Сказал, что хочет познакомить с матерью. Олеся ошалела от такого счастья. И даже перестала жалеть о том, что знакомство с Адамом застало ее на закате отпуска. Если мужчина знакомит девушку с матерью, значит, собирается жениться на ней, а о таком женихе, как Адам, она могла только мечтать. А с таким мужем она могла забыть о своем Волгодонске, о работе, которая обрыдла.

Ехать пришлось долго — на машине, в горы, по головокружительным серпантинам. Олеся даже стала переживать. Никто не знает, где она, и если Адам похитил ее, то никто и никогда не узнает об этом.

Но Адам ее не похищал. Он привез ее в свой роскошный дом, который находился в горах, там они ужинали при свечах в большой зале со стеклянной крышей, через которую можно было любоваться звездным небом. А звезды на юге крупнее, чем в средней полосе, их больше, они ярче.

А утром Адам познакомил Олесю с матерью. Увы, но это было шуткой с его стороны. Познакомься, сказал, с матерью-природой. Но сказал он это с таким серьезным видом, что у Олеси язык не повернулся выразить возмущение. К тому же мать-природа была необыкновенно красивой.

Дом у Адама находился в горах, в живописном месте. Дом, который руками других людей он довел до совершенства. Это была целая роща из орешника, ее пересекала горная речушка с «вылизанными» берегами. А в пространстве между деревьями можно было играть в гольф, настолько оно было ровным,

с короткой и мягкой травой. По траве можно было бегать босиком без опасения поранить ногу.

— Это в давние времена Ева могла ходить босиком, — с отрешенной улыбкой сказал он. — А у современных Ев ножки нежные, пяточки ранимые.

В ореховой роще не было лавочек, зато встречались пеньки, поваленные деревья, искусно стилизованные под скамейки. На один такой поваленный ствол, вычищенный и покрытый лаком, Адам посадил Олесю. Сам присел на корточки, взял в руки ее ступню, снял с нее босоножку, крепкими пальцами нежно помял пятку. Олеся захмелела от приятных ощущений.

— Хочешь быть Евой? — спросил он.

— Хочу.

— Тогда добро пожаловать в Эдемский сад!

— Это где?

— Здесь. — В его голосе послышалось удивление.

— Я так и поняла, — поправилась Олеся.

— Тебе нужен костюм Евы.

— И где его взять?

— Он у тебя под одеждой.

— Да, конечно.

Олеся гордилась своей фигурой и совсем не прочь была блеснуть ею перед мужчиной, женой которого хотела стать. Тем более он сам разделся, представ перед ней в костюме Адама.

— Пойдем!

Окинув Олесю одобрительным взглядом, Адам взял ее за руку и повел в глубь своего «эдемского сада». Повел по траве. Босиком. Он не обманул: трава

действительно была мягкой и приятной на ощупь, как шелковый ковер.

Они вышли к небольшому озерку с островком в центре, на котором росло одно-единственное дерево. К островку вел кованный мост, по которому они подошли к яблоне. Дерево большое, раскидистое, но на нем не было ни единого яблока.

— Это «древо познания», — совершенно серьезно сказал Адам.

При этом он смотрел на Олесю так, как будто познавал ее — пока только взглядом. Жадным взглядом. Он хотел ее, и это было видно не только по его глазам.

— А где запретный плод? — спросила она.

— Запретный плод будет, когда мы познаем друг друга.

Он взял Олесю за руку, подвел к яблоне, заставил обнять ствол, прижался сзади, пальцами лаская грудь. Она чувствовала, как нарастает его возбуждение, но грядущая буря ничуть ее не пугала.

Глава 2

Улица Морская, дом семьдесят восемь. По этому адресу жил Дима Муляров. Но сколько Пахомов ни давил на кнопку звонка, калитка не открывалась. Только собака рычала за воротами. Именно рычала, а не гавкала. Видно, ее приучили не гавкать. Зона курортная — слева частный мини-отель, справа дом, в котором сдавались комнаты. А между линией домов и набережной — сквер, по которому прогули-

ваются люди. Это хоть и окраина поселка, но лаять здесь нежелательно.

Пахомов взялся за ручку калитки, опустил ее вниз, потянул на себя. И калитка поддалась. Он мог зайти во двор. Но имел ли он на это право?.. А если с Димой что-то случилось? Если он лежит сейчас в доме в состоянии, близком к летальному исходу?

Путь к дому преградила кавказская овчарка — молодая, глупая, но уже профессионально злая. Ее сдерживала цепь, до калитки острые зубы не доставали, к дому не подойти.

Олег спокойно закрыл за собой калитку. Так же невозмутимо вперил в собаку тяжелый взгляд, передавая через него свою внутреннюю силу.

Не так давно ему пришлось иметь дело с живыми волками. Он расследовал убийство в таежной глуши, преступники убили двух оперов из его группы, стреляли и в самого Олега. С пулей в груди он ушел глубоко в лес, там спрятался в волчьей норе. У него уже, казалось, не оставалось сил, когда появилась волчица. Он вступил с ней в схватку без малейшей надежды на победу. Но победил. Потом появилась женщина, лесная колдунья, которая и спасла его. Женщина эта лечила его волчьей кровью. На какое-то время он и сам превратился в лесного волка, это помогло ему справиться с двуногим оборотнем. Сверхсила осталась там, в тайге, но кое-что Пахомов забрал с собой. Волчье чутье, волчий дух все еще присутствовали в нем. И ничуть ему не мешали. Как раз наоборот.

Собаки чуют волков и реагируют на них нервно, агрессивно. Но нападают на волка в своре, в одиночку против него могут пойти только самые-самые. «Кавказец» Мулярова еще недостаточно заматерел, чтобы выдержать взгляд Олега. Он перестал рычать, смиренно опустил голову и поджал хвост. Но в сторону пес при этом не отвалил, Олегу пришлось его обходить.

Дом у Димы большой, из кирпича цвета слоновой кости. Высокий цокольный этаж, обложенный диким камнем, гранитное крыльцо, эркерный выступ на всю ширину фасада, на четвертом этаже терраса, совмещенная с мансардой.

Дверь не заперта. Олег зашел в дом, услышал чьи-то голоса, напрягся, но тут же понял, что это работает телевизор.

Телевизор огромный, с изогнутым экраном, качество изображения потрясающее. Он стоял в холле, который занимал чуть ли не половину первого этажа. В холле никого не было, но на столике перед диваном стояла початая бутылка пива и пустой бокал. Пачка сигарет, пепельница с окурками, но пахло только табачным пеплом и впитавшимися в мебель смолами. Свежий запах дыма выветрился через работающую сплит-систему.

Пахомов обследовал обеденную зону, совмещенную с холлом арочным входом. И кухня пустовала, и столовая. На кухне в мойке лежала пара тарелок, вилки, стояла чашечка из-под кофе. Не похоже на следы пиршества.

На втором этаже тоже никого не было. Кровать в хозяйской спальне заправлена кое-как, но видно, что на покрывале никто не лежал. Просто Дима не очень старался, переключаясь утром с ночного режима на дневной. Между креслом и шифоньером валялись носки, снятые, видимо, с вечера. Но с какого вечера? Когда Дима исчез? Вчера или сегодня? Судя по запаху, сегодня он точно не курил.

Мансарду занимала большая бильярдная комната с баром. Ни людей здесь, ни запахов, только идеальный порядок под едва заметным налетом пыли. Видно, генеральная уборка проводилась в доме один, максимум два раза в неделю. С тех пор как убрались на четвертом этаже, Дима в бильярд не играл и баром не пользовался. А к бару примыкало «летнее кафе» — полукруглая террасная площадка под легкой навесной крышей. Столики здесь, кресла — все в чистоте и в правильном порядке. С террасы открывался отличный вид. Взгляд устремлялся через деревья в прибрежном сквере и нырял в море далеко от берега. Олег даже пожалел, что у него нет времени любоваться таким видом.

Он спустился на цокольный этаж. Там у Мулярова размещались кладовка, котельная и сауна с выходом к небольшому открытому бассейну с тыльной стороны забора. В бане убрано, в котельной спокойно грелась вода. На отопление дома котел не работал.

Видеокамер в доме не было, но Пахомов сразу заметил датчики движения. Дом был подключен к пультау вневедомственной охраны, в нем имелась

тревожная кнопка для экстренных вызовов. Но к моменту, когда Олег появился, дом на сигнализации не стоял. Ни дверь не была заперта, ни калитка. Складывалось ощущение, что Дима просто вышел из дома, возможно, в магазин, который находился неподалеку.

В шкафу под мойкой Олег нашел пять пустых пивных бутылок, шестая стояла на столе. Больше пива не было, возможно, Дима собирался пополнить запас, поэтому и вышел из дома.

Дом вроде бы и охранялся, но к своей безопасности Дима относился несерьезно. Ни в доме видеокамер, ни вокруг. Один только домофон оборудован встроенной камерой, изображение с которой записывалось.

Пахомов перемотал запись назад, нашел момент, когда Дима выходил из калитки. Это было вчера, в девятнадцать часов шестнадцать минут. Кепка, футболка... В брюках Дима был или в шортах, Олег знать не мог. Муляров свернул направо, в сторону магазина, поэтому перед камерой мелькнула только верхняя часть тела. Пахомов даже не смог определить степень его опьянения. Вроде бы не грустный, хотя еще и не веселый — видно, он был в самом начале пути. Пивка для рывка, водки для заводки... Может, за водкой он в магазин и отправился. Ненадолго уходил, потому и калитку не запер.

Мобильника в доме не было, значит, телефон Дима забрал с собой. На трюмо в спальне лежал бумажник — наличность в нем, банковская карточка, права, техпаспорт на машину, которая стояла в

гараже. Телефон он с собой взял, а бумажник нет. Видно, покупка предстояла не крупная. А может, он и вовсе не взял с собой денег. Может, он к соседу в гости пошел. Здесь же не только гостиницы вокруг, есть и просто частные дома, и не во всех из них комнаты сдаются на лето. Заглянул к соседу на пару минут, так у него и остался. Хорошо, если пьянствует там, а если его уже и в живых нет?

Ключи от машины Пахомов нашел в сумочке, которую Дима почему-то оставил в прихожей. Почему он ее с собой не взял?

Фотографию Димы найти было нетрудно. В рабочем кабинете Олег обнаружил целую галерею снимков, где Дима был запечатлен в компании с хорошенькими девушками. Семнадцать фотографий — семнадцать девушек, и одна лучше другой. Все в купальниках, на фоне моря. Видеосочинение на тему «Как я провел лето». И не одно. Есть о чем вспоминать не очень холодными зимними вечерами.

Дима явно не скучал в одиночестве. Снимал курортниц, развлекался с ними, наверняка водил их к себе в дом. Олег еще раз обследовал помещения, но свежих женских следов не обнаружил. На трюмо в спальне выставлены были только мужские одеколоны и кремы. В гардеробе только мужская одежда. В ванной — только одна зубная щетка. И длинных женских волос в раковинах не видно. В прихожей он нашел несколько пар женских тапочек, но не факт, что ими пользовались недавно.

Пахомов оставил вещи, взял фотографию и отправился в магазин неподалеку. Это был небольшой

универсам с продавщицей за кассой и охранником у входа. Пышнотелая девушка с короткой стрижкой обслуживала покупателей, поэтому Олег обратился сразу к охраннику, взрослому мужчине с маленькими желтушными глазами. Он показал ему фотографию Мулярова, но в ответ получил вопросительный взгляд. Пришлось представиться, предъявить служебное удостоверение. Майор полиции Пахомов, старший оперуполномоченный департамента уголовного розыска.

— Ну, знаю такого, живет тут неподалеку, — хриплым прокуренным голосом сказал мужчина. — Заходит иногда.

— Вчера заходил?

— И вчера заходил.

— Вечером?

— Вечером?.. Ну да, народ с моря возвращался... Да, вечером заходил. Упаковку пива взял... Что-то еще было, но я только пиво помню. — Охранник облизнулся мысленно, а слюну сглотнул по-настоящему.

— Взял пива и пошел домой?

— Ну да, домой... А что-то случилось?

— Да загулял где-то.

— Загулял?.. Ну, может... Может, с другом?

— С каким другом?

— Ну, не знаю. Кто-то подъехал к нему, он в машину сел, — охранник махнул рукой вдоль улицы.

— Что за машина?

— «Мерседес», кажется.

— Кажется?

— Она боком ко мне стояла. Как она с Морской свернула, я не видел. Он когда садился, машина на Некрасова стояла, боком ко мне. Но по форме вроде бы «Мерседес». Двухдверный, я так думаю, спортивный.

— А номера?

— Сбоку номера не ставят, — усмехнулся охранник.

— Камера у вас, я смотрю, есть.

— Не знаю, — пожал плечами мужчина. — Вряд ли машина в камеру попала. Камера не в ту сторону смотрит.

— А глянуть можно?

— Ну, если нужно, — замялся мужчина.

— Нужно.

Олег получил доступ к записи, даже нашел тот момент, когда Муляров выходил из магазина. Но Дима выпал из обзора еще до того, как пересекся с подозрительной машиной. А больше видеокамер в этом районе не было.

И непонятно, что за «вроде бы «Мерседес» увез Диму. И куда. Понял Олег только то, что Дима сел в машину добровольно. Но это не значит, что в машине с ним ничего не произошло. Может, пристукнули...

* * *

Кефаль всего лишь поселок, но штат полиции здесь — как в отделе районного масштаба. Курортная зона — повышенные требования безопасности. А там, где курортная зона, там и расслабляющее курортное настроение.

Вид у оперативного дежурного был такой, как будто в дежурную часть он зашел только для того, чтобы переждать пик солнечной активности. Сейчас отдохнет в теньке, и снова на пляж — к солнечным и морским процедурам.

— Три дня прошло? — сонно спросил он.

— Вы заявление примите, а искать через три дня начнете.

— Ну, это не вам решать...

Капитан лениво взял бумагу, пробежал глазами. К «шапке» заявления не придаться — Олег срисовал ее точно с образца: на имя начальника ОВД подполковника Растрьгина. И к тексту претензий быть не должно.

— Дмитрий Аркадьевич Муляров... Кто такой Дмитрий Аркадьевич Муляров?

— Гражданин Российской Федерации, житель поселка Кефаль.

— Ну, допустим. А вам он кто?

— Товарищ. Я к нему в гости приехал.

— Товарищ?! — обрадовался дежурный. — Родственники пусть обращаются.

— Нет у него здесь родственников.

— Ничего не знаю.

Капитан протянул в окошко заявление, но Пахомов этого как будто не заметил.

— Здесь у Мулярова только товарищ есть. Товарищ майор полиции.

Олег раскрыл свои корочки и предъявил капитану.

— Департамент уголовного розыска? — озадаченно глянул на него дежурный.

— Работаем в составе выездных следственно-оперативных групп. И к вам группу вышлем. Если Мулярова не найдете.

— Ну, так бы сразу и сказали.

Заявление исчезло в окошке дежурной части, а перед капитаном появился журнал регистрации.

Пахомов понимал, что Мулярова толком искать никто не будет, но ему важно было зафиксировать факт его исчезновения. Дима пропал, и Олег должен был где-то жить, чтобы его найти. Жить он будет у него в доме. По сути это незаконно. Более того, могут возникнуть подозрения на его счет. Мало ли, вдруг он нарочно избавился от Мулярова, чтобы завладеть его домом. А тут все четко — сегодня Олег приехал в Кефаль и сегодня же подал заявление об исчезновении своего друга. Какие могут быть к нему претензии?

— Мне бы еще узнать, у кого в поселке есть белый двухдверный «Мерседес», — сказал Пахомов.

— Зачем?

— Муляров вчера сел в белый «Мерседес». Больше его никто не видел.

— Номер машины?

Пахомов покачал головой.

— А если машина не местная? Сколько их сейчас таких!

— Может, и не местная.

— А Муляров здесь живет?

— Улица Морская, дом семьдесят восемь.

— Знаю, знаю. Восьмидесятый дом — это гостиница... Название не помню.

— Частная гостиница.

— А рядом дом, красивый такой, с террасой...

— С террасой.

— Богатый дом.

— Не бедный.

— Богатые к богатым тянутся... А Полина Юрьевна у нас дама незамужняя, — в раздумье проговорил капитан.

— Кто такая Полина Юрьевна?

— Полина Юрьевна?.. — дежурный крепко задумался, как будто решал, можно ли отвечать на вопрос. — Ну, Полина Юрьевна у нас в поселке человек известный...

— И белый «Мерседес» у нее есть? — догадался Пахомов.

— Белый «Мерседес»? — завис капитан.

Вид у него был такой, как будто он сболтнул лишнее и теперь жалел об этом.

— Значит, есть, — невозмутимо сказал Олег.

— Ну есть, и что?

— А женщина она красивая?

— Ну, в общем-то, — по каплям выжимал из себя дежурный.

— Давайте так, капитан, вы говорите, как мне найти Полину Юрьевну, а я не говорю, что про нее мне сказали вы.

— Ну, найти ее нетрудно... Улица Солнечная, в самом конце. Самый большой и красивый дом, не ошибетесь... — офицер ненадолго задумался. — Это, кстати, недалеко от семьдесят восьмого.

— Вы мне ничего не говорили... — улыбнулся Пахомов. И тут же добавил: — А заявление вы все-таки зарегистрируйте.

Он еще не знал, кто такая Полина Юрьевна, но уже догадывался. Наверняка местная знаменитость, но явно не с шутовским уклоном, если о ней говорят вполголоса. Но и особо эту Полину Юрьевну не боятся, если капитан позволил себе заикнуться о ней. Женщина она богатая. И одинокая. А возможно, красивая или около того. Дима Муляров не тот человек, который будет крутить роман со страшенькой женщиной, ему хорошеньких подавай. Но ведь их могли связывать и деловые отношения?

Что, если Дима решил замутировать бизнес в поселке? Что, если у него возникли осложнения, чреватые серьезными последствиями? Может, он для того и позвал Олега к себе, чтобы заручиться его поддержкой?..

* * *

Улица Солнечная, дом сто семь. Самый крайний дом, построенный у подножия скалистой возвышенности, в которую упирался поселок восточной своей стороной.

Дом действительно большой, архитектурно изощренный, с видом на море. И сам дом, и прилегающий к нему двор, возможно, просматривался с возвышенности, на которую нетрудно было забраться. Возможно, потому что с этой стороны забор вокруг дома был особенно высоким, к тому же с пыленепроницаемой надстройкой вроде той, которые ставятся вдоль шоссе дорог. Возможно, хозяйка дома опасалась снайперского выстрела.

Олег решил пока не обнаруживать себя. Поэтому, осмотрев особняк со стороны поселка, вернулся на Морскую улицу, к дому Мулярова. Полицейский капитан оказался прав — эти два дома находились неподалеку. Солнечная улица находилась сразу за Морской, и тянулись они параллельно до самой возвышенности. А связывала их улица Некрасова, на которой охранник и видел белый «Мерседес». Возможно, Полина Юрьевна забрала Диму и увезла его к себе. Но почему Дима не отвечает на телефонные звонки? Сотовый сигнал возле дома Полины Юрьевны достаточно сильный.

Пахомов снял шорты, надел джинсы, кроссовки, рубашку с длинным рукавом, прицепил к ноге чехол с охотничьим ножом. В гараже стояли черный «Лэнд Крузер», скутер и велосипед. Машину он оставил в гараже, велосипед не тронул, а в путь отправился на скутере.

Он выехал на дорогу, ведущую к возвышенности, с нее съехал на тропку, резко уходящую вверх. Дальше только пешком. Вокруг полно колючих кустарников, под одним из них Олег спрятал скутер.

Над поселком сгущались вечерние сумерки. Пахомов глянул на часы. Нет и девяти, в Москве в это время еще светло как днем, а здесь уже вечереет. Все правильно, чем ближе к экватору, тем раньше темнеет.

Но темнота его не пугала. Небо чистое, лунное, ночь не должна быть темной. К тому же у него волчье зрение, и это не раз спасало его в тайге.

Ночь не должна стать для него препятствием, но все же пришлось остановиться. Колючие кустарники разрослись, застелив ползучими ветками всю землю. Идти становилось все трудней, и в конце концов настал момент, когда дальнейший путь нужно было прокладывать с помощью ножа. А смысла в этом особого не было. Ну, прoderется Олег к месту, откуда можно осмотреть дом, и что? Диму во дворе увидит? Вряд ли. К тому же не факт, что можно будет обозреть двор: забор же не зря так сильно нарощен. И еще на змею напороться можно. Кавказские гадюки, говорят, очень ядовитые.

Пахомов повернул назад, пошел старой дорогой. Для него лучше иметь дело с голодными волками, чем с невидимыми змеями.

Глава 3

Женщина в бикини входила в воду осторожно, мелкими шагами. Камни на дне скользкие — как бы ногу не подвернуть. Она смотрела себе под ноги, к тому же утренняя вода казалась ей холодной, от этого дыхание сперло, кругозор сузился. Потому и не увидела она маску, через которую Олег наблюдал за ней из воды.

Еще ночью до него дошло, что у Полины Юрьевны может быть свой отдельный пляж, где она может купаться по утрам и вечерам. В кладовке у Димы он обнаружил атрибуты водолаза-любителя — трубку, маску, ласты, подводное ружье. И ночью совершил вылазку. В свое курортное удовольствие. Подплыл

к прибрежному пяточку, с которого можно было подняться к дому на Солнечной улице. Место не огораживалось, не охранялось, даже мостков не было, по которым можно было зайти в воду. Но к дому подобраться было непросто. Тропинка, ведущая к нему, отсекалась высоким забором, подходить к которому Олег не рискнул. Его могли засечь и даже подстрелить. Мало ли какая у Полины Юрьевны охрана. И еще он мог спугнуть женщину, встревожить ее своим появлением.

Но не встревожил. И охрана у Полины Юрьевны, как оказалось, не выдерживала никакой критики. Женщина вышла на пляж без всякого сопровождения. Если бы Олег был киллером, он мог бы уже десять раз убить ее и уйти в море.

Он не видел Полину Юрьевну ни вживую, ни на фотографии, но почему-то знал, что видит перед собой именно ту женщину, за которой охотился. Она не могла быть служанкой, и дело не в безупречной ухоженности, которая выгодно отличала ее от женщин, стесненных в средствах. Была в ее внешности черточка, которая выдавала хозяйку. И не только дома. Возможно, она была хозяйкой всего поселка.

И еще в ней присутствовала туго натянутая сексуальная струнка. И если ее можно было назвать красивой, то лишь благодаря вибрациям от этой струнки. Глаза у нее светлые, глубокие, но небольшие. Волосы осветленные, тонкие, ломкие, брови низкие, спинка носа кривая, рот большой, но губы неполные, скулы недостаточно широкие. Не тянула она на классическую красавицу, но при этом у

Олега захватило дух — от остроты ее сексуального обаяния.

И фигура у нее не отличалась совершенством. Короткая шея, маленькая грудь, широкая талия, длинные, но с кривизной ноги. Но все эти недостатки почему-то воспринимались как неоспоримые достоинства. Пахомову захотелось обладать женщиной именно с таким телом. То есть самой Полиной Юрьевной.

Она была не очень молодой, несколько за тридцать, но кожа в тонусе, животик плоский, в бедрах даже намека нет на целлюлит. Видно было, что женщина тщательно следит за собой. А маленькая грудь и кривизна ног ее не беспокоили — равно как и мужчин, которым она могла нравиться.

Сейчас ее беспокоила только холодная вода и камни под ногами. Но вот она легла на воду, скользкое дно ушло из-под ног, тело привыкло к холоду. Она с бодрой улыбкой поплыла прочь от берега. И увидела маску с трубкой.

Олег выглядел как типичный любитель подводной охоты, с ним только ласты, маска, трубка и подводное ружье. Уши заливала вода, но все равно Пахомов услышал, как женщина вскрикнула. Вскрикнула и повернула назад. Он в два счета поравнялся с ней, вынырнул из воды, снял маску с трубкой:

— Вы меня не бойтесь, я не кусаюсь.

Женщина остановилась, внимательно глянула на него. Он весело улыбался, пытаясь произвести на нее благоприятное впечатление.

— А кто сказал, что я тебя боюсь?

Она, казалось, вспомнила, что ей здесь некого бояться. Как раз наоборот, это ее должны бояться.

— Мне показалось.

— Когда кажется, знаешь, что нужно делать?

— Стреляться?

— Да, — улыбнулась она, принимая шутку. — Перекреститься и застрелиться.

Пахомов кивнул, перекрестился и приставил к подбородку подводное ружье. Но стреляться не стал, ружье скрылось в воде.

— Что это? — нервно спросила женщина.

Она показывала на ружье, которое хорошо было видно в прозрачной воде.

— Плавки, — как о чем-то совершенно естественном сказал Олег.

— Плавки?! — Она смотрела на него, язвительной улыбкой подавляя всколыхнувшееся возмущение. — Ты металлург?

— А-а!.. Наша сила в плавках! — засмеялся он. — И в ковках!

— Я вообще-то про ружье спросила.

— Да я тут крабов ловлю. Крабов здесь много.

— А ружье зачем?

— Защищаться.

— От кого?

— Европу защищать. От иранских ракет.

— И как, получается? — Она перевела взгляд с одного шрама на его груди на другой.

Шрамы еще свежие, прошлогодние. Две пули он в тайге поймал, еле выжил. А еще тело хранило

следы от более давних пуль и ножей. Пометила его жизнь будь здоров.

— Да пока не приходилось.

— Ты кто такой? — с улыбкой заинтригованной женщины, но жестко спросила она.

— Думаешь, нам нужно познакомиться?

Она повела бровью, размышляя над вопросом.

— Ну, тогда я поплыл.

Олег вздохнул, выражая сожаление. Если предмет его симпатии не хочет знакомиться, то ему здесь и делать нечего.

Он уже собирался нырнуть, когда она остановила его:

— Полина.

Он снял маску, вынул изо рта трубку и широко улыбнулся:

— Олег.

— Красухина.

Она не просто называла свою фамилию, она требовала от него такой же откровенности. И смотрела на него, предупреждая о том, чтобы он не смел ей врать. Смотрела на него, как в открытую книгу. И малейшая неискренность в его мыслях будет замечена.

— Пахомов.

Под этим пытливым взглядом, чтобы сохранить лицо, он мог говорить только правду.

— И что ты здесь делаешь, Олег Пахомов?

Она смотрела на него с усмешкой знающего человека. Возможно, она догадалась, с кем имеет дело. А может быть, она знала, что некто майор Пахомов

начал розыск своего друга. Тот же оперативный дежурный мог ей вчера позвонить. Если так, то Олег мог сейчас находиться на прицеле снайпера. Хотя чутье подсказывало, что никакой опасности нет. Возможно, собираясь купаться, Красухина не ожидала увидеть его здесь. А увидела и поняла...

— Охочусь.

— На крабов?

— Ты не похожа на краба, Полина Юрьевна.

— Ты охотишься на меня?

— Я охочусь за твоим словом. Я ищу своего друга. Я знаю, что у тебя были отношения с Димой Муляровым.

— А мы с вами на «ты»?

— Ты первая начала. — Олег смотрел на нее спокойно. И взгляд его был мягким, как медвежья туша. И таким же тяжелым.

— У меня были отношения с Муляровым.

Она осторожно пошла к берегу, кивком увлекая Пахомова за собой.

— Он был вчера у вас? — Олег решил перейти на «вы».

— Да, я подвезла его на белом «Мерседесе».

— А я спрашивал вас о белом «Мерседесе»? — с плохо скрытой усмешкой спросил он.

Теперь он точно знал, что утечка информации из полиции все-таки была. Но чутье молчит. Или он не чувствует снайпера, или Красухина не приняла мер безопасности. Во-первых, Пахомов — мент, а не бандит, а во-вторых, ей просто может быть недоступно такое удовольствие, как личный снайпер.

А в-третьих, у нее, может, и повода нет, чтобы избавляться от Пахомова.

— Вы спрашивали об этом в полиции, — парировала она.

Теперь женщине приходилось сохранять лицо, признавая неудобную для нее правду.

— Вы работаете в полиции?

— Нет.

— Тогда откуда информация?

— А разве вы не подавали заявление?

Полина вышла из воды. Олег заметил, как ее тело покрылось «гусиной кожей». Она замерзла, но не съежилась, не затряслась от озноба. Она не хотела казаться слабой.

Она взяла халат, Пахомов помог ей одеться.

— Спасибо, — сухо поблагодарила женщина.

Но при этом он уловил неожиданное для нее самой движение. Казалось, Полину потянуло к нему, но она сама же и сдержала свой порыв. Они, может, еще не враги, но находятся по разные стороны фронта, и она не собиралась об этом забывать.

— Хотите сказать, что Диму ищут?

— Мне звонил Осипов.

— Осипов?

В дежурной части он имел дело с капитаном Пинчуком. А кто такой Осипов?

— Замначальника ОВД. Мой старый знакомый.

Значит, дело все-таки сдвинулось с мертвой точки, если заявление ушло к начальству. Но, возможно, движение началось только потому, что в деле фигурировал белый «Мерседес».

— Он мне позвонил, я сказала, что действительно подвозила Диму.

— Куда?

— Просто подвезла... Так я сказала Осипову. Зачем я буду говорить, что Дима был у меня? — Красухина кивнула на свой дом.

И направилась к нему, по-прежнему увлекая Олега за собой.

— Но мне вы сказали...

— Это потому что вы так далеко заплыли за буйки. В плавках. И с противоракетой... — усмехнулась она. — Вы интересный мужчина, майор Пахомов. И даже хорошо, что мы с Димой расстались.

— Расстались?

— Да, он мне нахамил, и я его прогнала.

— Когда вы его прогнали?

Она подошла к калитке, приложила палец к электронному считывателю, послышался щелчок. Калитка сама отъехала в сторону.

— Прощу! — Полина повела рукой в сторону дома.

И с усмешкой глянула на Олега. Если ему не страшно, то добро пожаловать.

Пахомов кивнул, прошел в калитку, сложил под забором свое снаряжение, в том числе и подводное ружье, которое могло ему пригодиться. Оставил он только пристегнутый к голени нож в чехле. Сделал вид, будто забыл о нем. А Полина не напонила.

По железной лестнице они преодолели короткий, но крутой подъем и подошли ко второй калитке, за которой начинался двор. Дальше они шли по

мощенной гранитом дорожке — через магнолиевый сад, мимо бассейна.

— Вы можете осмотреть дом, — сказала она.

— Зачем?

— Вдруг Дима пристегнут наручниками к спинке кровати.

— В плавках? По дому? — пожал плечами Олег.

В плавках уместно купаться, загорать на пляже или возле бассейна, но даже по набережной ходить в них неприлично. А тут чужой дом, хозяйкой в котором интересная женщина.

— Я принесу вам халат.

Она оставила его на террасе, зашла в дом. Олег прислушался. Цикады трещат, птичка вдалеке заливается. Море где-то рядом, но людских голосов не слышно. Только бриз приносит запах прелых водорослей. Дом в тупике, машины мимо не ездят. А еще где-то неподалеку возвышенность — в непроходимых зарослях и, возможно, со змеями. Но ему в эти дебри соваться уже не обязательно. Он в гостях у Полины Юрьевны, только что ему это даст? Если Дима здесь и был, то его уже точно нет. А если есть, если он живой, то и переживать нечего.

А насчет снайпера Олег, похоже, переживал напрасно. Ни охраны в доме не видно, ни прислуги. Только видеокмеры — на стенах дома, на заборных столбах. Может, все-таки есть охранник? Сидит где-то в сторожке и наблюдает за обстановкой.

Красухина вынесла белый банный халат — чистый, после стирки и глажки.

— Диму от кровати отстегнули? — вроде как в шутку спросил Пахомов.

Он надел халат, но в дом входить не торопился.

— Отстегнула, — кивнула она. — Еще вчера утром.

— И где он?

— Ушел. К себе ушел. Пешком... Я предложила подвезти, он огрызнулся.

— Огрызнулся?

— Мы с ним поругались.

— А посмотреть можно?

— Как мы поругались?

— Нет, как он уходил, — он кивком показал на ближайшую камеру.

— Да, конечно.

Полина улыбнулась, как будто радуясь отличной возможности оправдаться. Она провела гостя в дом, показала на диван в каминном зале, включила такой же большой, как у Димы, телевизор, вывела на экран изображение с видеокамеры, включила перемотку. Олег попросил у нее пульт и сам отыскал момент, когда Дима выходил из дома. Он действительно был чем-то недоволен, и походка его казалась нервной. Волосы взлохмачены, лицо помято. Похоже, он весело провел с Полиной ночь. Только вот она почему-то его не провожала. Видимо, они на самом деле поссорились.

Дима был в шортах, в тенниске, на ногах только шлепки. Сумку и бумажник он оставил дома.

— А где телефон? — спросил Олег.

— Телефон?.. Не знаю, — пожала плечами Полина.

— Должен быть телефон. Он все дома оставил, даже деньги. Только телефон взял. А уходит без телефона.

— Не было у него телефона, — вспоминая, сказала она.

— А как вы с ним позавчера встретились? Как позвонили ему?

— Не звонила я. Домой ехала, увидела его. Он шел, пиво нес, веселый. А мне было грустно... Я подъехала, он сел.

— А вчера ушел. И больше не приходил?

— Нет.

Судя по записи, Дима ушел вчера в районе девяти утра, а в одиннадцать он уже должен был встречать поезд. Но не было его вчера на вокзале. И на телефонные звонки он не отвечал. Ушел от Полины, и с концами.

Пахомов просмотрел запись с видеокамеры, через которую можно было наблюдать за подступами к воротам. Но ничего подозрительного не обнаружил. Дима шел по улице, пока не исчез из виду. И неясно, что с ним случилось по пути домой.

— А куда он собирался?

— Никуда. Просто ушел.

— А то, что друга встречать надо, не говорил?

— Нет. Сказал, что друга из Москвы ждет, а когда он приезжает, не сказал.

— Может, у него другие друзья есть?

— Есть какой-то сосед. Валек зовут. А кто такой, не знаю. Ни разу не видела. Он где-то на Морской улице живет... Может, к нему опохмелиться зашел?.. — задумалась Полина. — Честно говоря, меня сама эта история напрягать стала. Когда Костя позвонил, я подумала, что Дима загулял... Да и сейчас так думаю. Но вы его с таким рвением ищете. Даже ракеты иранские сбивать собрались...

— Кто такой Костя?

— Костя Осипов.

— Ваш старый знакомый.

— Можно даже сказать, родственник.

— Седьмая вода?

— Двоюродный брат моей двоюродной сестры. Я с Леной по матери связана, а Костя — по отцу. Мы с ним с детства друг друга знаем. Он даже ухаживал за мной одно время.

— Я бы на его месте и сейчас за вами ухаживал.

— Ну, что вы. У него семья, дети...

— Не для всех это помеха.

— Для него помеха. Костя помешан на своей семье. Это во-первых. А во-вторых, он не в моем вкусе...

— Понятно.

— Да и ментов я не люблю, не побоюсь вас обидеть, — усмехнулась Красухина.

— Есть для этого причины? — сохранив невозмутимость, спросил Пахомов.

— Я с восемнадцати лет в бизнесе. Мои подружки официантками в летнее кафе пошли, а я взяла и от-

крыла свое кафе. В долги влезла, крутилась как белка в колесе. И выкрутилась. Почти выкрутилась. И тут появляются — или платишь, или закрывайся. Ну, еще натурой предложили. Хорошо, Костя выручил...

— Здесь, в поселке, кафе открыли?

— Здесь. Сначала одно кафе, затем другое. Гостиницу поставила, другую... Там, где Дима живет, там тоже гостиница должна была стоять. Там участок освободился, но Дима раньше меня его выкупил.

— А рядом с его домом — ваша гостиница?

— Моя... Он ко мне клеиться пытался, — улыбнулась Полина. — А я злая на него, ко мне не подходи. Он меня потом долго стороной обходил. А потом у нас авария была. Он выезжает из дома, а тут я. В этот раз я виновата была, а он даже не разозлился. Это меня подкупило. Машины мы в одной мастерской чинили. В один день забрали. Ну и обмыли это дело. Здесь, на этом диване, обмывали... Ой, что это я!.. — спохватилась женщина. — Говорю о нем как о покойнике. Даже загрустила... Вам, наверное, уже пора?

Олег посмотрел на Красухину и понял, что его вежливо выставляют за дверь. Разговор закончен, пора и честь знать.

— Да, наверное, — кивнул он.

— Возможно, Дима уже дома, — поднимаясь с дивана, сказала она.

— Все может быть.

— Можете передать ему привет, — Полина повела Олега на выход. — То, что вы были у меня в гостях, ничего не значит. Он знает, что я девуш-

ка порядочная. К тому же вы искали его, это вас оправдывает.

Они вышли во двор, и Полина повернула в сторону моря.

— Я могла бы выпустить вас через ворота, но что скажут соседи?

В ее словах угадывалась насмешка. Похоже, Красухина куражилась над ним. Да, он в плавках, и в таком виде неприлично уходить от женщины. Но ведь она могла подвезти его на своем белом «Мерседесе». Только с какой стати ей это делать? Каким путем пришел, таким пусть и убирается. Ее вежливости хватило только на то, чтобы оправдаться перед законом. Дима ушел живым, значит, какой с нее спрос?.. Колочий у нее характер. Но так никто и не обещал, что будет легко.

Глава 4

Для кого-то язык враг, а для опера — друг. И — оружие в его арсенале. Дима домой так и не вернулся. Поэтому, позавтракав, Олег продолжил розыск. И язык довел его до Валентина, который действительно жил неподалеку, в двухэтажном доме из белого силикатного кирпича под шиферной крышей, слегка потемневшей от времени.

Дом далеко не новый, без всяких архитектурных изысков, двор весь в зелени. Ни единой живой души Олег не увидел. Даже собаки не было. Обычно жители курортных поселков сдают комнаты для отдыхающих, но, видимо, Валентин не практиковал

такой бизнес. Видно, и без этого денег хватало. Олег пытался достучаться до хозяина, но бесполезно. Или дома никого не было, или Валентин скрывался в нем. Возможно, вместе с Димой. Об этом Пахомов подумал, глядя на работающий блок сплит-системы. Дома никого нет, а охлаждение идет. Или дома кто-то есть, или его обитатели отлучились ненадолго. В принципе и в доме у Димы сплит работает. С тех пор как Олег приехал, так и крутит.

Олег решил повторить попытку через час-другой и повернул назад.

Он открывал калитку, когда из ворот соседней мини-гостиницы вышла Ева — в широкополой шляпе, в прозрачном платье, под которым угадывался купальник. Ее глаза и без того сияли, а увидев Олега, засветились еще ярче.

Он открыл калитку, она помахала рукой, требуя остановиться:

— Привет!

Ева встала перед ним и зачем-то приподнялась на цыпочках. Еще и спину назад выгнула.

— Привет! — Олег бросил взгляд ей за спину.

Федора не было, но он мог появиться в любой момент. А он однажды уже попросил его держаться от них подальше.

— А мы на море!

— Я рад.

Он и рад был бы закрутить роман с такой девушкой, как Ева, но у нее муж, а Олегу эксцессы ни к чему. Тем более Дима пропал, искать его нужно.

— Федор на меня с утра рычит!

Ева не просто говорила, она делилась с Олегом утренними новостями, как будто он был ее подружкой с дежурными ушами.

— Не с той ноги встал?

— Да ну его! — Ева махнула рукой с таким видом, как будто глубоко разочаровалась в собственном муже.

Возможно, это на самом деле так. Видимо, потому она и засыпала мужа поводами для ревности. Уж Олег-то знал, как она легко находит эти поводы.

— Ты бы с ним поласковой! Он и злиться не будет.

— Да я и так, и эдак.

— Значит, не так и не эдак. Стараться нужно. У тебя получится.

Олег подмигнул девушке на прощание и зашел во двор. Но Ева последовала за ним и, даже больше того, закрыла за собой калитку. Овчарка уже смирилась с Олегом, но Еву она встретила, оскалив клыки и пытаясь броситься на незваную гостью.

Но Еву это ничуть не смутило, скорее наоборот.

— Ой, собачка!

Цепь натянулась, Ева села перед собакой, протянула к ней руку, чтобы погладить.

— Какой хороший!.. Хороший, хороший!

И «кавказец» смирился перед ее веселой добротой. Закрыв пасть, опустил голову, а когда Ева стала гладить его за холкой, лег. Или собака такая глупая, или девушка обладала особой ласкающе-усмиряющей силой.

— Маленький мой! Хорошенький!

Ева повернулась к Олегу:

— Ничего, что я здесь?

В ответ он только и смог что пожать плечами. Вообще-то он ее к себе не звал, но не выгонять же, раз пришла.

— А то Федор злится с утра. Пусть побегает, поищет! — Она улыбнулась так, будто предложила шутку, забавную для всех, в том числе и для мужа.

— Ну, пусть побегает, — кивнул Олег. — А потом ты его приласкай.

Он выразительно посмотрел на собаку, и она перехватила его взгляд.

— Как собаку?

— Ну зачем же так о муже?

— А почему он все время рычит?

— Вот и приласкай...

Ева хотела сказать что-то про мужа, но махнула рукой — с таким видом, как будто не считала его достойным своего внимания.

— А вы здесь живете?

— Здесь.

Олег решил не вдаваться в подробности. Сказать, что это дом друга, так Ева потребует Диму. А доносить она умеет, этого у нее не отнять.

— Красивый дом!.. Можно глянуть?

Олег не должен был впускать ее в дом. Но об этом он подумал уже после того, как Ева взбежала по лестнице на второй этаж. Заглянула в спальню, спустилась вниз, плюхнулась на диван и восторженно уставилась на огромный экран. Телевизор был выключен, но вид у Евы был такой, будто она смотрела супермегаблокбастер.

— Ух ты! — выдохнула она.
— Муж тебя уже ищет.
— Муж!.. — поморщилась она. Но тут же снова расцвела. — Дом у вас, конечно!.. У нас не такой.
— А какой у вас?
— Тоже большой, но с вашим не сравнить... И в деревне...

— И здесь не город.
— Ну, не знаю!.. Мне нравится!.. Так бы здесь и осталась!.. А вы женаты?
— Зачем тебе?
— Ну, просто!.. А вечером что делаете?
— Отдыхаю.
— С кем?
— С женщиной.
— Красивая?
— Очень.
— А где она сейчас?
— Тебе уже пора.
— Ну, хорошо! — Ева улыбнулась так, как будто ей только что даровали свободу.

Она ушла, а Олег еще какое-то время озадаченно смотрел ей вслед. Он хотел, чтобы Ева оставила его в покое, но вот она исчезла, а ему вдруг стало грустно. И чувство одиночества лизнуло сердце холодным языком.

* * *

Валентин качал головой, настороженно глядя на Олега. Здоровый мужик, плотный. Шевелюра из курчавых волос, упитанная физиономия — ему бы волевой подбородок, и можно образ крутого мэ-

на с него лепить. Но подбородок вялый, с жирным довеском.

— Не видел я вчера Диму. Не видел, не разговаривал.

Он только что вернулся с рыбалки, еще даже удочки из машины не вытащил.

— А на рыбалку он с тобой не ездил?

— Э-э, нет! Я на рыбалку сам езжу! Рыбалка — это интим, с ней один на один нужно. А если с кем-то, так это как групповой секс с любимой женщиной. Я такое не практикую.

— Хорошо, когда есть дети от любимой женщины, — сказал Олег, кивком показав на садок, в котором вперемешку с травой лежали крупные бычки.

— Сегодня не очень, а вчера — во! — Валентин просиял, вытягивая вверх большой палец правой руки.

— С утра ездил?

— С раннего.

— На Черные камни? — вспомнив советскую комедию, спросил Олег.

Он как чувствовал, что Валентин скажет «да».

— На Черные камни. А ты откуда знаешь? — совершенно серьезно спросил он.

Но при этом он, похоже, не врал.

— Догадался.

— Дима сказал?

— Может, и Дима.

— Он откуда знает? — без всякого лукавства забеспокоился мужчина.

— А это что, тайна?

— Не то чтобы тайна... Но, в общем, да.
— Дима пропал.
— Да я понял, — кивнул Валентин.
— Дима, говорю, пропал, а ты тут за какие-то там камни переживаешь. За Диму переживать надо.
— Ну да, надо.
— Он когда-нибудь вот так пропадал?
— Как так?
— Третий день кряду.
— Так я откуда знаю, сколько дней его нет. Он и месяц может не давать о себе знать. У него свой дом, у меня свой. Так, иногда пересекаемся. То у меня, то у него...

— Ты женат? — спросил Пахомов.

Валентин ничего не сказал, но так жалостливо посмотрел на него, что спрашивать дальше охота отпала. Видно, несчастная любовь у мужика, возможно, с бывшей женой.

— Я в смысле, может, вы по бабам вместе гуляли?

— Ну, нет!

— Что так?

— Нет! — Валентин вдруг надул щеки и глянул на Пахомова исподлобья.

— Ну, извини, — пожал плечами Олег.

Может, он в чем-то крамольном мужика уличил? Или не совсем мужика?

— Да ты не так понял! — разволновался мужик. — Я Людмилу свою люблю, мне больше никто не нужен.

— Я так и понял. Людмила — бывшая жена?

- Ну да.
- Все правильно, значит, понял.
- Ну вот... А то еще подумаешь...
- А кто такая Полина Красухина, знаешь?
- Полина? Красухина? — задумался Валентин.
- Гостиницы у нее в поселке.
- Да, училась у нас в школе. Полина. Красухина. Говорят, у нее бизнес хорошо пошел. Про гостиницы говорили...
- Так знаешь ее или нет?
- Говорю же, в школе вместе учились. Она или на два, или на три года младше. Видел я ее. А так, чтобы общаться...
- А Дима что про нее говорил?
- Ничего.
- Он встречался с ней?
- Он?! С Полиной?! Не знаю... Он много с кем тут встречался. В основном на приезжих практиковался... Приводил тут одних, — улыбнулся своим воспоминаниям Валентин.
- Приезжих?
- Приезжих.
- А местных?
- Ну, местных у нас тут сколько... В основном приезжие. А местные... У местных отцы, братья, мужья... Он жениться не собирался...
- Где он сейчас может быть?
- Не знаю... Может, у местной какой. Может, с приезжей спутался. Может, в номере у нее...
- А почему не у себя дома?
- Ну, он не очень домой любил водить. Если есть возможность, то для него лучше на стороне...

— А может, все-таки было что-то с местными? Может, с мужем какой-нибудь красавицы сцепился? Или с отцом?

— Не знаю. Он не говорил.

— Может, проблемы у него какие возникли? Может, он опасался чего-то?

— Из-за женщин?

— Нет, вообще. Может, в бизнес какой влез?

— В бизнес? Да нет, не хотел он в бизнес. Я ему предлагал, так он двумя руками — на фиг, на фиг!

— Может, ему кто-то угрожал?

— Не знаю, не слышал. И он не говорил... А что мы как не родные? Может, рыбки покушаем? — Валентин щелкнул себя пальцем по горлу. — Уху сварим, водочкой заправим.

Олег вяло кивнул. Не было у него особого желания закидывать за воротник, но ему нужно было знать, где искать Мулярова. Валентин — не тот человек, с которым Дима стал бы делиться секретами, не тот у него для этого уровень. Но, может, что-то сболтнул по пьяной лавочке. И Валентин мог вспомнить под той же мухой.

Но ничего интересного Пахомов не узнал. Жил Дима просто и без приключений. Иногда за границу ездил, по Сибири, было дело, путешествовал, но большую часть времени проводил в поселке. Зимой впадал в полуспячку, в курортный сезон выходил на охоту безо всякой лицензии. Дружбу ни с кем не водил, если не считать Валентина. И еще была Полина Красухина, но своих с ней отношений Дима не афишировал.